

Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences
State Historical, Literary and Landscape Memorial Preserve "Mikhailovskoe"
named after A. S. Pushkin (Pushkin preserve)
Museum Department of Finland

Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный
музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»
Музейное ведомство Финляндии

*Devoted to 30th anniversary
of the friendly cooperation of archaeologists
of Russia and Finland (1976–2006)*

SLAVS, FINNS AND OUGRIEN

The Zones of Contacts and Cooperation

The Papers of Russian-Finnish symposium
on the Problems of Archaeology and History
Pushkinskije Gory
2004, October, 7–10

Editorial board
A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov, A. I. Saksa

Saint-Petersburg
2006

*Посвящается 30-летию
дружеского научного сотрудничества археологов
России и Финляндии (1976–2006 гг.)*

СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ

Контактные зоны и взаимодействие культур

Доклады Российско-Финляндского симпозиума
по вопросам археологии и истории
Пушкинские Горы
7–10 октября 2004 г.

Санкт-Петербург
2006

Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская

Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси

Среди скандинавских древностей, встреченных на территории Древней Руси, особого внимания заслуживают булавки или, как их часто называют в отечественной литературе, кольцевые (кольцевидные) фибулы с длинной иглой. Последний термин для обозначения данного типа украшений не точен, так как между фибулами и булавками имеется принципиальная разница в способе использования. При скальвании одежды фибулой игла, прокалывая ткань, фиксируется на дуге, кольцо же на булавке имеет, прежде всего, декоративную роль. Об этом в свое время писала Г. Ф. Корзухина, указывая, что «кольцевые фибулы» с длинной игрой просто не фибулы и для них необходимо найти новое название. «Нельзя сказать, что и у зарубежных археологов, — отмечала Г. Ф. Корзухина, — существует четкое деление колец с длинной булавкой на фибулы и нефибулы. Нет и устоявшейся общепринятой терминологии. Любое кольцо с длинной игрой — гладкое и тонкое; кольцо с бусинами и кольцо широкое, плоское, с плетеным орнаментом — может быть названо и Ringnadel (игла с кольцом) и Ringspanne (кольцевая пряжка) и Ringfibel (кольцевая фибула). Поэтому в литературе и зарубежной, и нашей многое путаницы и просто неверных данных о количестве находок и о хронологических границах тех или иных типов колец с длинной игрой на той или иной территории» (Корзухина 1973: 38). К сожалению, на правильное замечание Г. Ф. Корзухиной не было обращено должного внимания, и путаница в терминологии до сих пор продолжается. Так, в частности, и сейчас некоторые исследователи определяют простые подковообразные фибулы как «кольцевидные» (Бліфельд 1977: 45; Андрощук 1999: 57). Мы предлагаем называть эту категорию украшений кольцевидными булавками. Этот же термин (ringed pins) стал преобладать в наше время и в западной литературе.

Первый каталог скандинавских фибул был составлен В. С. Дедюхиной (Дедюхина 1967: 191–206). В него вошли и кольцевидные булавки, в основном собранные

по фондам ГИМа. Однако при рассмотрении этого типа украшений В. С. Дедюхина совершенно не учитывала различные особенности, которые связаны с их типологическим происхождением и различными районами распространения. Следует отметить, что на территории Руси преобладают восточно-скандинавские вещи, в частности, характерные, прежде всего, для Средней Швеции. Однако в каталоге В. С. Дедюхиной в одном контексте с ними рассматриваются и своеобразные редкие булавки, кольца которых имели несомкнутые концы и были украшены насаженными на них двумя литыми серебряными бусинами. Третья бусина составляла основание иглы. Одна из таких застежек была найдена в киевском некрополе (погребение № 112) (Каргер 1958: 180, табл. XXII), а другая — в составе большого нумизматического клада у дер. Демшино Псковской обл. (Корзухина 1954: 99, табл. XXV-1). Подобный тип булавок был распространен на территории Англии, Ирландии и Норвегии. Т. Арне, впервые опубликовавший булавку из клада считал ее британским изделием, и, сравнивая с аналогичным украшением из Эстонии, полагал, что на территорию Руси булавка попала через о. Готланд (Arne 1914: 60, 227, рис. 368). Следует отметить, что европейские исследователи рассматривают эти украшения среди подковообразных фибул — «repangular brooch with ball-shaped pin-head and terminals or thistle-brooch» (Graham-Campbell 1980: 55, № 196, 197).

Дж. Грэхем-Кэмпбелл отмечал, что булавки были обычным типом застежек мужских плащей в эпоху викингов. Они восходят к ранним примитивным булавкам из костей животных, а судя по находкам в погребениях ясно, что плащ скреплялся на правом плече, что давало свободу правой руке (Graham-Campbell 1980: 30). Среди европейских древностей периода средневековья имеются и фибулы с длинной игрой, но их не следует смешивать с булавками (Sjirvold 1974: PL 45-b; Graham-Campbell 1980: № 194–198).

Кольцевидные булавки на территории Древней Руси являются по происхождению скандинавскими (их прототипы известны на Британских островах) и не имеют определенных местных параллелей к востоку от Балтики (Янссон 1999: 27). По своему облику застежки состоят из двух частей — круглого кольца диаметром от 2,5 до 4,7 см и прикрепленной к нему длинной игры (до 15 см). Наряду с многочисленными булавками, имеющими простое кольцо с более узкой перемычкой, на которую крепилась обычная игла, расплощенная и завернутая в спираль в основании, выделяется серия изделий, кольцо которых и навершие игры украшены звериным или плетеным орнаментом в стиле Борре. Очень важной деталью булавок является форма ее игры, которая отечественными археологами часто не принимается во внимание, а отсюда происходят ошибки в атрибуции не полностью сохранившихся предметов. Дело в том, что если основная часть игры булавки имеет округлую в сечении форму, то ее нижняя часть и конец не всегда, но в подавляющем числе случаев уплощены. Это позволяет вполне определенно отличать игры рассматриваемых булавок от игл иных фибул.

Находки кольцевидных булавок, обычно, единичны на памятниках Восточной Европы, причем не только на поселениях, но даже и в могильниках. На момент составления каталога скандинавских фибул на территории Древней Руси В. С. Дедюхиной в 1967 г. было учтено 39 экземпляров булавок, происходящих, в основном, из могильников. Среди них 10 найдено в Гнездове на Днепре, 6 — в курганах юго-восточного Приладожья, 9 — в погребениях верхневолжских могильников (Тимерёво, Петровское, Михайловское), 3 — в Киевском некрополе (Дедюхина 1967: 203–206,

№ 1–39). В последние десятилетия число кольцевидных булавок, поступивших в распоряжение археологов, существенно выросло. Можно обратиться еще раз к анализу их топографии, хотя мы и не ставим перед собой цели полного учета соответствующих кольцевидных булавок и их фрагментов, в силу источниковедческих сложностей и нечеткости определений многих исследователей при публикации материала.

Так, материалы раскопок, проведенных в Белоозере и Изборске (пунктах упомянутых в легенде о призвании варягов), не дали ни одной находки подобного рода украшений (Голубева 1979; Седов 2002). Кольцевидные булавки отсутствуют в Новгороде (Седова 1981) и во всем Ильменском бассейне. Среди единичных находок, не вошедших в сводку В. С. Дедюхиной, следует упомянуть одну иглу, встреченную на поселении Крутик (Кирилловский район Вологодской обл.; Голубева 1991: 108, рис. 47-3). С территории Новгородской области происходит навершие иглы в стиле Борре с селища Бельково III (Хвойнинский район; Петров 2001: 39, рис. 3). Во время планомерных раскопок И. В. Дубова селища у дер. Тимерёво была найдена лишь одна игла от подобной булавки (Дубов 1982: 169, рис. 40-15). По данным А. Е. Леонтьева, при исследовании Сарского городища зафиксированы один экземпляр целой роскошно орнаментированной булавки и две иглы от них (Эдинг 1928: 60, табл. VIII-9, X-1; Леонтьев 1996: 172). Один обломок декорированного в зверином стиле кольца булавки происходит с территории среднего Поволжья. Украшение было найдено при раскопках булгарского поселения Красная Река I (Вискалин, Ледяйкин, Семыкин 1989: 10, рис. 1). Часть еще одного кольца, орнаментированного в стиле Борре, с сохранившейся позолотой в углубленных участках рельефного узора в виде сложной плетенки, было найдено среди подъемного материала во время обследования поселения Хотяжи 2 в долине верхнего течения р. Москвы (Алексеев 2003: 75, рис. 5).

По опубликованным данным в Пскове известны только два украшения: одно на городище, а другое в погребении № 46 псковского некрополя (Белецкий 1980: 11, 12, рис. 6-22; Sedov 1992: 145–146; Волочкива, Закурина 1996: 124) (рис. 1-3). Еще два неопубликованных обломка игл от кольцевидных булавок происходят из раскопок в Кремле С. А. Таракановой (Инв. № 2208/211, 2208/257). Кроме того, на территории Псковской области были встречены еще пять булавок. Одна простой формы (в настоящее время представлена на археологической выставке музея) найдена на селище у дер. Ерошиха (Плоткин 1989: 167, рис. 2-4; Александров 2001: 191, ил. 26).

Вторая с орнаментированным навершием была обнаружена на городище у дер. Подоржевка Бежаницкого р-на. В настоящее время она утеряна и сохранился лишь ее рисунок, сделанный Б. Койшевским (Архив ИИМК)¹. Три иглы от кольцевидных булавок зафиксированы при исследовании Городка на р. Ловати. Две из них опубликованы (Горюнова 1978: 144, 146, рис. 2-4, 6).

В Старой Ладоге по разным источникам удалось собрать сведения о девяти находках. Не менее трех из них были роскошно орнаментированы. Одна булавка с декоративным кольцом с Земляного городища была упомянута А. А. Спицыным. Он видел ее в коллекции местного учителя Серебрякова и в качестве аналогии ей

¹ Мы признателны сотруднику Псковского гос ударственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника А. А. Александрову за любезную консультацию по новому материалу кольцевидных булавок на территории Пскова и его округи.

приводит гнёздовскую булавку (Спицын 1904: 58). В 1952 г. на территории посада на левом берегу Ладожки в небольшом разведочном раскопе Г. П. Гроздиловым было найдено навершие булавки, украшенное мордой зверя и плетеным орнаментом. Примечательно, что поделка представляла собой неудавшуюся отливку, которую даже не стали обрабатывать (Корзухина 1973: 37, рис. 8-4). Одна кольцевидная булавка была зафиксирована В. П. Петренко в раскопе на Варяжской улице (Петренко 1985: 115). Из раскопок А. Н. Кирпичникова происходят шесть находок – пять игл, одна из них с навершием в стиле Борре, и целая простая серебряная фибула с насечками по кольцу. Две находки опубликованы (Кирпичников, Сарабьянов 2003: 66, 69), остальные хранятся в фондах Староладожского музея. Раскопки последних лет в Приладожье дали еще две застежки. Целая булавка с насечками на кольце была найдена при исследованиях деревоземляного сооружения у дер. Гонгиничи (Колпаков, Назаренко 2004: 196, 199, рис. 3-1) (рис. 2-2) и кольцо, орнаментированное в стиле Борре, входило в состав инвентаря погребения № 2 кургана № 18 могильника, расположенного юго-восточнее дер. Городище на р. Сяси (Богуславский 1994: 101–102, рис. 18-3).

Наибольшее количество рассматриваемых находок обнаружено опять же в Гнёздове. В настоящее время мы не можем полностью оценить коллекцию Гнёздовского археологического комплекса, так как материалы современных исследований не введены в достаточной степени в научный оборот. Однако, судя по сводным данным о численности скандинавских фибул в Гнёздове, опубликованных Н. В. Ениосовой (Ениосова 2001: 84, табл. 1), в последние годы было найдено еще семь кольцевидных булавок, так как общее их число по ее подсчетам достигло 17 (по В. С. Дедюхиной, их было 10). Известно, что две из них происходят из культурного слоя поселений. Одна была найдена на Центральном городище, а другая на Западном селище при раскопках В. А. Булкина. (Ениосова 2001: 91, табл. 3; Вешнякова, Булкин 2001: 47). Последняя находка представляла собой навершие иглы, выполненное в грубой манере. Остальные украшения, видимо, происходят из погребений.

По количеству находок кольцевидных булавок Гнёздово, несомненно, выделяется среди многих археологических памятников Восточной Европы, прежде всего, за счет украшений из погребальных комплексов этого самого крупного могильника данной территории. На этом фоне редким феноменом выглядят материалы Рюрикова городища, связанное с которым кладбище вообще не известно. Всего в настоящее время имеются сведения о 24 находках кольцевидных булавок и их фрагментов. Большинство из них происходят, как и многие другие городищенские скандинавские вещи, из сборов подъемного материала, и лишь восемь украшений были найдены во время раскопок, причем три непосредственно при разборке комплексов IX–X вв.

Среди городищенской коллекции выделялись три булавки, основу орнаментальной композиции кольца которых в нижней части составляли два плоских дисковидных круга, оконтуренных плетеным орнаментом. Одна из них сохранилась практически полностью, обломана лишь нижняя часть иглы (рис. 1-2). От второго экземпляра этой же серии сохранилось лишь кольцо, частично обломанное в верхней части, там, где находилась перемычка для крепления иглы. Она происходит из шурфа 1983 г., заложенного М. В. Шориным на южном берегу Сиверсова канала, из раннего коричневого слоя с органикой рядом с настилом, который имеет

дендрохронологическую дату 900 г. (Носов 1990: 47). Таким образом, находка, несомненно, относится к самому рубежу IX–X вв. Третий экземпляр сохранился лишь в обломке части дуги кольца с характерным дисковидным кругом внизу. Судя по первому экземпляру данной серии, а также по многочисленным аналогиям, булавки с кольцами, украшенными в нижней части дисковидными кругами и орнаментом в стиле Борре, не всегда, но часто имели навершия, декорированные в том же стиле. Таких наверший от кольцевидных булавок на Городище найдено семь.

Таким образом, в настоящее время по материалам публикаций, архивных данных и музейных изысканий нами собраны сведения о 85 находках кольцевидных булавок на территории Древней Руси. Думаем, что таких находок больше за счет вещей, не введенных в научный оборот и не идентифицированных в музейных коллекциях. Местами концентраций кольцевидных булавок являются Приладожье и Старая Ладога (17), Рюриково городище (24), Ярославское Поволжье (12), Гнёздово (17). Это в полной мере соответствует общему характеру распределения скандинавских древностей на территории Руси. В этой связи вызывает несомненный интерес вопрос, в контексте каких археологических комплексов встречены кольцевидные булавки. Прежде всего, мы имеем в виду погребальные памятники. Рассмотрим некоторые захоронения, о которых имеются достоверные сведения.

В киевском некрополе найдено три булавки. Все они происходят из богатейших погребений могильника. По европейской типологии одна из них относится к типу булавок, характерных для памятников Средней Швеции (группа V по классификации L. Thunmark-Nylén). Эта роскошная позолоченная булавка входила в состав срубного погребения воина с конем (№ 116, раскопки 1872 г. В. Б. Антоновича около Иорданской церкви) (рис. 1: 1). Здесь же был найден меч с серебряными насечками на рукояти (Каргер 1958: 189–190). Вторая застежка, относящаяся к серии англо-норвежских фибул (типа Petersen 1928: 173, № 209; Birka 1940: Taf. 47), была в составе парного срубного захоронения № 112, также сопровождающегося конем. Погребение было нарушено грабителями. Тем не менее, часть сохранившего погребального инвентаря отличалось особой изысканностью: на женщине — ожерелье из сердоликовых бус и серебряных дирхемов, серебряные височные кольца «волынского типа», украшенные сканым и зерненым орнаментом, серебряный щитковый перстень с чернением и подвеска-ключик; при мужчине найдены остатки железной обивки щита, остальное оружие было, видимо, изъято грабителями (Каргер 1958: 178–182). Третья оригинальная серебряная булавка представляла собой кольцо, декорированное тремя рельефными изображениями «птичьих» голов, от которых по дуге в разные стороны были расположены маленькие головки животных. Укращение отличалось необычной деталью: игла его закреплялась проволочным крючком, вмонтированным в нижнюю часть кольца. По мнению М. К. Каргера, это роскошное украшение входило в состав погребения № 108, обнаруженного при случайных земляных работах и в значительной части растищенного землекопами. Тем не менее, сохранились сведения, что наряду с захоронением человека здесь был обнаружен скелет коня, а часть вещей из него, поступивших в коллекцию местного археолога В. Гезе, свидетельствует об особом социальном статусе погребенного. В частности в набор инвентаря этого захоронения входили меч, рукоять которого была обернута серебряной пластиной, боевой топор, около 38 серебряных блях (20 больших миндалевидных и 15 небольших сердцевидных со штампованным растительным орнаментом, а также три маленьких квадратных бляшки с выемка-

ми по бокам; на поверхности большинства блях прослеживаются следы позолоты), два бронзовых бубенчика, четыре стеклянные игральные шашки, игральная кость в форме параллелепипеда, шесть дирхемов, кинжал с костяной резной рукоятью, железные стремена, удила и другие предметы (Каргер 1958: 170–172).

В Шестовицком могильнике встречена одна кольцевидная бронзовая булавка простой формы (Бліфельд 1977: 148, рис. XV-5, XXXIV-5; Андрощук 1999: 57), которая относится к типу IV по классификации L. Thunmark-Nylén. Бронзовая булавка происходила из кургана № 58 с погребением, совершенным по обряду кремации. На костище в урне и около нее кроме булавки зафиксирован следующий инвентарь: меч с посеребрением на рукояти, наконечник ножен с изображением хищной птицы, наконечник копья и ледоходный шип (Бліфельд 1977: 147, 148; Андрощук 1999: 40, 50, 51, 105, рис. 32). Кроме того, в Шестовицах в погребении коня № 120 найден предмет, судя по схематичному рисунку, похожий на булавку, однако, Д. И. Бліфельд не смог его однозначно идентифицировать, называя то «пробоем», то «скобелем с кольцом», возможно, «видом нагайки» (Бліфельд 1977: 181).

Исходя из опубликованных материалов по гнёздовскому погребальному комплексу, мы можем привести следующие примеры. Две кольцевидные булавки были обнаружены в камерных погребениях (Каменецкая 1991: 148, 172; Жарнов 1998: 100, 101, табл. 3). Как и в других некрополях Древней Руси, камерные захоронения Гнёздува отличались особым богатством инвентаря (Авдусин, Пушкина 1989: 190–205). Так, в кургане № 62 Заольшанской группы наряду с кольцевидной булавкой, от которой сохранилась игла с навершием, к элементам одежды относились пуговицы и подковообразная железная фибула. В состав погребения также входили боевой топорик, копье, железные оковки, видимо, от ведра, нож, заклепки и другие предметы (Каменецкая 1991: 171, 172, рис. 7). Еще один курган в Центральной группе (№ 75) с захоронением по обряду кремации, раскопанный В. И. Сизовым в 1901 г., где были зафиксированы навершия и часть иглы булавки, отличался своеобразием погребального инвентаря. Среди кальцинированных костей и углей здесь были встречены пряжка, поясные бляшки и два наконечника ремня, две пуговицы, железная подпружная пряжка, игла, рыболовный крючок и др. (Гнёздовский могильник 1999: 116, рис. 24: III. 61). В Смоленской области помимо Гнёздува три кольцевидные булавки (тип IV по классификации L. Thunmark-Nylén) найдены в необычных четырехугольных курганах у деревни Новосёлки с захоронениями по обряду кремации (рис. 2-1). Е. А. Шмидт, исследовавший эти погребальные сооружения, дал суммарную характеристику их погребального инвентаря. Из его описания следует, что в трех из них (№ 4, 5, 13) были встречены мечи, воткнутые в костище рядом с урнами, и наконечники стрел, в двух — костяные гребни, в одном (№ 13) — ледоходные шипы, оковки с заклепками, две гирьки и обломок серебряной монеты, а в кургане № 5 — пинцет. Среди погребального инвентаря встречались также ножи, пряжки, оселок, трапециевидные подвески, бусы и оплавленные обломки других часто трудно определимых вещей (Шмидт 1963: 121–126, рис. 15, 16).

Следующая значительная серия погребений, в которых присутствовали кольцевидные булавки, найдена в могильниках Ярославского Поволжья. По опубликованным данным, булавки зафиксированы в 10 погребениях (Михайловский могильник № 10, 8; Тимерёвский могильник № 79, 83, 85, 269, 277 и 295; Петровский могильник № 111 и 119 (Ярославское Поволжье 1963: 102, 115, 132, 134,

135; Недошивина 1991: 173). Большинство изделий принадлежат к группе роскошных украшений, декорированных в стиле Борре (тип V по классификации L. Thunmark-Nylén), и только два имели простую форму и были изготовлены из железа (Петровский могильник № 111, 119).

Все булавки встречены в погребениях по обряду трупосожжения, так что уже сам обряд ведет к утере части инвентаря. Во многих погребениях найдены оплавленные слитки от попавших на погребальный костер бронзовых вещей. Тем не менее, все захоронения, в которых были зафиксированы кольцевидные булавки, выделялись определенным набором инвентаря, иногда с достаточно редкими вещами, характеризующими высокий статус погребенного. Так, в Тимерёвском могильнике в курганах № 85 и 277, где были встречены парные погребения, а также в кургане № 83, где зафиксированы несколько кремаций, при них найдены кости различных животных, в частности лошади, а в наборе женского инвентаря обязательно присутствовали скандинавские украшения (скорлупообразные, а в одном случае еще и равноплечная фибулы). К вещам мужского сопровождающего инвентаря относятся стрелы, оковки колчана, металлические детали поясов, торговый инвентарь, оселки, костяные гребни, в одном из погребений (№ 277) оковки игральной доски и стеклянные шашки и др. По мнению Н. Г. Недошивиной, в кургане № 295 был похоронен воин, явившийся «представителем социальной верхушки общества». При нем находился меч, боевой нож и серебряная кольцевидная булавка. Рукава одежды были обшиты тесьмой из серебряных позолоченных нитей. В ногах стояла деревянная чаша с бронзовыми окошками (Недошивина 1991: 173). Достаточно респектабельный набор инвентаря был зафиксирован и в кургане № 10 Михайловского могильника (Ярославское Поволжье 1963: 134). Достаточно упомянуть в его составе меч, боевой топор, пять стрел, рукоять плети, чашечки от весов и другие предметы. Нет смысла перечислять погребальный инвентарь всех курганов в Ярославском Поволжье, содержащих в своем составе кольцевидные фибулы, можно лишь отметить, во-первых, что среди них нет ни одного вообще безынвентарного, во-вторых, даже в тех случаях, когда число предметов было не столь значительно в количественном отношении, тем не менее, в каждом из них фиксировались предметы редкие для обычных захоронений древнерусского времени. К таким вещам, в частности, относятся костяные гребни (Тимерёвский могильник № 269, Михайловский — № 8), кресало, ключ, футляр для фитиля и глиняные лапы (Тимеревский № 79, 269), стрелы и наконечник ремня (Петровский № 111), гирьки (Петровский № 119). Таким образом, материалы ярославских могильников еще раз подтверждают, что мужские погребения с кольцевидными булавками на территории Руси по составу инвентаря представляют особую группу погребальных памятников.

Подобные примеры можно продолжить, рассмотрев и древности Юго-Восточного Приладожья. Так, по опубликованным данным Н. Е. Бранденбурга, одна из булавок (типа V по классификации L. Thunmark-Nylén) была встречена в погребении могильника у дер. Вихмес (Бранденбург 1895: 116, LXIX-3), а вторая — (типа I по классификации L. Thunmark-Nylén) в курганной группе у дер. Сязнига (Бранденбург 1895: LX-5). В обоих случаях это были погребения по обряду кремации в насыпях, представляющих собой коллективные усыпальницы с ярусными погребениями. В одном из них наряду с булавкой среди кальцинированных костей зафиксированы удила, копье, нож в ножнах и мелкие украшения одежды (пуго-

вица, пронизка и два бубенчика), в другом — топор, копье, стрелы, пластинчатое кресало, коленчатая цепочка, оселок, бляшка, гребень в футляре и оселок. Надо сказать, что и другие погребения в этих насыпях отличались богатством инвентаря. В тихвинских курганах А. Колмогоровым было раскопаны остатки кремации с роскошной булавкой. Это погребение также сопровождалось наконечником копья, топором, ножом, фрагментами оплавленного янтаря. Рядом с погребением человека находилось захоронение коня с удилами, видимо, с наременными бронзовыми украшениями и остатками какого-то железного прута (Колмогоров 1914: 430).

Одним словом, продемонстрированный нами материал показывает, что кольцевидные булавки маркируют захоронения либо с комплексом вещей, либо с отдельными предметами, характерными для североевропейского круга древностей. Единственным исключением из всех проанализированных нами захоронений является погребение № 46 Псковского некрополя, где булавка находилась в некотором отдалении от двух небольших скоплений кальцинированных костей, в одном из которых зафиксированы лишь отдельные фрагменты лепного сосуда. По внешнему виду можно отметить, что булавка отсутствовала во время сожжения на погребальном костре (Волочкива, Закурина 1996: 124).

Вся совокупность рассмотренного материала показывает, что кольцевидные булавки являлись конструктивным элементом мужского костюма. По-своему происхождению они относятся к скандинавскому типу украшений, а точнее, большинство из них — к среднешведскому. Судя по неудачным отливкам, некоторые изделия изготавливались непосредственно на Руси. Места концентрации булавок совпадают с местами концентрации иных типов скандинавских древностей на территории Восточной Европы: Ладога и юго-восточное Приладожье, Рюриково городище, Гнездово и Ярославское Поволжье. В этих местах располагались крупные ремесленно-торговые и административные центры на важнейших водных путях, проходивших через территорию Древней Руси. В сельской местности подобные находки крайне редки.

Анализ материалов захоронений не позволяет утверждать, что все погребенные в них были скандинавами, хотя часть из них таковыми являлась. Несомненно, то, что основная часть погребенных с мечами, боевыми топорами, убитыми конями и т. д. в камерных могилах принадлежала к высшему социальному, воинскому слою древнерусского общества. А поэтому не случайно, что значительная группа данной категории украшений представлена не простыми типами булавок, а изысканными экземплярами со звериным или плетеным орнаментом, выполненным в стиле Борре.

И отсюда не случайно, что именно на Рюриковом городище встречено самое большое количество кольцевидных булавок в Восточной Европе. В конце IX–X в. здесь концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношерстный контингент варягов. Всех их привлекало экономическое значение района и размещение административных властей. Городище стало княжеской резиденцией и одним из важнейших центров формирования дружинной, воинской культуры Древней Руси. Деятельность первых русских князей на Севере была непосредственно связана с этим памятником.

Литература

- Авдусин, Пушкина 1989 — *Авдусин Д. А., Пушкина Т. А.* Три погребальные камеры из Гнёзда // История и культура древнерусского города. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 190–205.
- Александров 2001 — *Александров А. А.* Во времена княгини Ольги. Псков: «Псковское возрождение», 2001.
- Алексеев 2003 — *Алексеев А. В.* Охранные исследования хотяжского комплекса // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 75–78.
- Андрощук 1999 — *Андрощук Ф. О.* Нормани і слов'яни у Подесенні. Київ, 1999.
- Белецкий 1980 — *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения городов) // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 3–18.
- Бліфельд 1977 — *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: «Наукова думка», 1977.
- Богуславский 1994 — *Богуславский О. И.* Новые открытия в Юго-Восточном Приладожье // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 74–106.
- Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. МАР, 1895. Т. 18.
- Вешнякова, Булкин 2001 — *Вешнякова К. В., Булкин В. А.* Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Археологический сборник. Гнёздово 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 124. С. 83–92.
- Вискалин, Ледяйкин, Семыкин 1989 — *Вискалин А. В., Ледяйкин Ю. А., Семыкин Ю. А.* Работы экспедиции Ульяновского пединститута в 1987–1988 годах // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 98–100.
- Волочкива, Закурина 1996 — *Волочкива О. К., Закурина Т. Ю.* Погребения древнерусского курганного некрополя Пскова (по материалам раскопов V, XI, XII) // Археологическое изучение Пскова. 1996. Вып. 3. С. 119–130.
- Гнёздовский могильник 1999 — Гнёздовский могильник. Часть I. Археологические раскопки 1874–1901 гг. Труды ГИМ. М. 1999. Вып. XXXVI.
- Голубева 1973 — *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
- Голубева, Кочкуркина 1991 — *Голубева Л. А., Кочкуркина С. И.* Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.
- Горюнова 1978 — *Горюнова В. М.* Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 140–148.
- Дедюхина 1967 — *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 191–206.
- Дубов 1982 — *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Ениосова 2001 — *Ениосова Н. В.* Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 124. С. 83–92.
- Жарнов 1998 — *Жарнов Ю. Э.* Гнездовские курганы с остатками трупоположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли», 1998. С. 92–105.
- Каменецкая 1991 — *Каменецкая Е. В.* Заольшанская курганская группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 125–174.
- Каргер 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Кирпичников, Сарабьянов 2003 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица. СПб., 2003.
- Колмогоров 1914 — *Колмогоров А.* Тихвинские курганы // Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911 г. М., 1914. Т. I.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

- Корзухина 1973 — *Корзухина Г. Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 35–40.
- Леонтьев 1996 — *Леонтьев А. Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Колпаков, Назаренко 2004 — *Колпаков Е. М., Назаренко В. А.* Новый тип погребальных сооружений Приладожской курганной культуры // Археологические вести. СПб., 2004. № 11. С. 196–201.
- Недошивина 1991 — *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимерёвского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 165–181.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Петров 2001 — *Петров Н. И.* Работы в Хвойнинском районе Новгородской области // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 38–39.
- Петренко 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 81–116.
- Плоткин 1989 — *Плоткин К. М.* Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города: М., 1989.
- Седов 2002 — *Седов В. В.* Изборск — протогород. М., 2002.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981.
- Спицын 1904 — *Спицын А. А.* Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладогу. ЗОРСА. СПб. 1904. Т. 5. Ч. 2. С. 54–57.
- Спицын 1905 — *Спицын А. А.* Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК. 1905. Вып. 15.
- Шмидт 1963 — *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины 1-ого тысячелетия н. э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1963. Вып. V. С. 85–128.
- Эдинг 1928 — *Эдинг Д.* Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.
- Янссон 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 18–38.
- Ярославское Поволжье 1963 — Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.
- Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940.
- Arne 1914 — *Arne T.* La Suède et l'Orient. Upsala, 1914.
- Graham-Campbell 1980 — *Graham-Campbell J.* Viking Artefacts. A Select Catalogue. Scarborough, 1980.
- Petersen 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
- Sedov 1992 — *Sedov V.* Skandinavische Elemente im frühmittelalterlichen Pskow // Die Kontakte Zwischen Ostbalktikum und Skandinavien im Frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9. Stockholm, 1992. S. 143–154.
- Sjövold 1974 — *Sjövold T.* The Iron Age Settlement of Arctic Norway. Tromsø museums skrifter. Tromsø, Oslo, Bergen, 1974. Vol. X/2.
- Thunmark-Nylén 1984 — *Thunmark-Nylén L.* Ringnadeln // Birka II:1. Sistematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.

Рис. 1. Кольцевидные булавки:

- 1 — Киевский некрополь (погребение № 116);
- 2 — Рюриково городище (подъемный материал);
- 3 — Псков (погребение № 46)

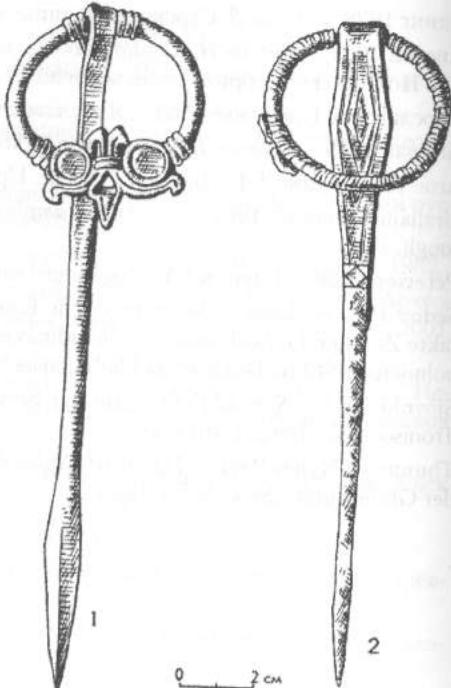

Рис. 2. Кольцевидные булавки:

- 1 — курганный могильник Новоселки под Смоленском;
- 2 — деревоземляное погребальное сооружение Гонгиничи в Приладожье